

УДК 316.624

*К.В. Злоказов***ДЕСТРУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РАЗЛИЧНЫХ КОНТЕКСТАХ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ¹**

В статье обсуждаются контексты проявления деструктивного поведения. Отмечается, что разрушительные формы социального поведения людей не всегда сопровождаются применением насилия и не являются смежными с агрессией. Обращение к явлениям деструктивности позволяет очертить формы поведения, не сводимые к агрессии или насилию, но приводящие к разрушению.

Для представления разнокачественных форм деструктивного поведения условно выделяются интраперсональный, интерперсональный и метаперсональный контексты проявления. В интраперсональном аспекте рассматриваются разрушительные формы отношения человека к собственному телу под углом самоповреждения и самоизменения. В интраперсональном аспекте описываются речевые деструктивные воздействия человека на окружающих. Отмечается, что разрушительное речевое воздействие нацелено на снижение самооценки и самоуважения собеседника в сочетании с повышением их уровня у говорящего. В метаперсональном ключе деструктивное поведение определяется в тенденциях отказа от выполнения социальной роли и слияния с нею. Показаны разрушительные следствия каждого из явлений.

Представленное обобщение практик деструктивного поведения говорит о необходимости дальнейших исследований в этой области.

Ключевые слова: деструктивное поведение, суицид, самоповреждение, агрессивное поведение, критика, угрозы, оскорбления, саботаж, ненависть.

Введение. Для современной науки актуально обращение к насильственному поведению людей в семейных, производственных, служебных контекстах. Растущее число исследований открывает возможности более полного раскрытия причин возникновения социальных конфликтов и усиления контроля над проявлением насилия в современном мире. Вместе с тем, с увеличением числа исследований в этой области растет также несоответствие между практиками негативного взаимодействия и их концептуальным представлением в науке, что зачастую вызвано неясностью отношений между целями, средствами и результатами насильственного поведения. К примеру, мстительное [65], завистливое [6], враждебное [12] поведение определяются в понятиях агрессивного ряда. Для измерения готовности к мести, зависти или вражде исследователи оценивают меру агрессивности человека [14]. Следовательно, агрессия выступает, если не обобщающим, то смежным понятием с явлениями негативного поведения.

Другая сторона несоответствия проявляется при объяснении вредных последствий социального поведения, осуществляемого невраждебным способом. Зачастую неагрессивное поведение наносит межличностным отношениям вред, сравнимый с агрессивным. Ревность молодежи приводит к распаду семьи [15], опекающее поведение родителей негативно сказывается на личности и социальном развитии ребенка [8]. Исследования в области трудовой деятельности показывают, что сплетни между сотрудниками, злоупотребление ими родственными или дружескими связями, неподчинение руководству [36] критически влияют на продуктивность предприятий и организаций. Манипуляции руководителя действиями подчиненных сотрудников также ведут к отрицательным последствиям [2]. Итак, явления негативного социального поведения человека выходят за пределы агрессивного, оставаясь смежными с ним в части средств и результатов. С методологической точки зрения возникает необходимость уточнить представления о разрушительном социальном поведении, не сводящемся к применению насилия, не ограничивающемся агрессией [7].

Цель данной работы – изучить контексты проявлений деструктивного поведения. Деструктивное поведение определяется нами как вид активности человека, изменяющей социальные объекты путем их разрушения. Такое видение деструктивности ограничивает круг негативных явлений, но позволяет обращаться к разрушительному поведению психически здоровых людей. Вне внимания остаются неосознаваемые, спонтанные и реактивные формы деструктивного поведения, известные в клинической практике как расстройства поведения (conduct disorder) [26]. С другой стороны, такое определение деструктивности разделяет многообразные и многокачественные формы деструктивно-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102).

сти на несколько областей, сохраняя как основание доступные эмпирическому изучению когнитивные репрезентации цели деструктивного поведения.

В работе обобщаются проявления деструктивного поведения человека по отношению к социальным объектам разного масштаба и качества. Для этого различные формы разрушительного поведения рассматриваются в контексте трех областей анализа: 1) *интраперсональной* (отношение к самому себе и собственному телу), 2) *интерперсональной* (межличностные отношения) и 3) *метаперсональной* (ролевое поведение человека в социальных структурах). Подчеркнем: что приведенные обозначения трактуются в широком смысле и введены для максимальной дифференциации трех видов отношения: к себе, к другим людям и к обществу. Такое деление используется для описания сложных, многоуровневых компонент структуры Я и связанных с ними эффектов воздействия на человека [25]. Ранее оно применялось нами при изучении действий, описанных в текстах деструктивной направленности (предсмертных записок, анонимных угроз, жалоб и обращений) [10], и позволило установить специфические различия в деструктивном поведении для каждой области отношений. В частности, было определено, что деструктивные цели более представлены в интраперсональных текстах; манипулятивные – присущи интерперсональным текстам; а метаперсональные тексты в большей степени нацелены на восстановление самооценки говорящего. Введение этих категорий для анализа поведения, на наш взгляд, позволит выявить общее и специфическое содержание деструктивных действий, уточнить контуры и признаки явлений деструктивности.

Деструктивное интраперсональное поведение. В интраперсональной области деструктивность представлена действиями самоуничтожения и самоповреждения (целенаправленного саморанения) [63]; самоизменения (модификации тела, психического состояния и пр.). Эти действия объясняются соответствующими им мотивами [7]. Но мотивы самодеструкции не всегда соотносятся с деструктивным поведением и, наоборот, действия откровенно разрушительного характера не подразумевают причинения ущерба субъекту. Вдобавок к этому практики самоповреждения у психологически здоровых людей имеют широкий диапазон проявлений и динамику, ввиду чего заметны окружающим только при пристальном наблюдении. Так, деструкция проявляется не только в суицидальных, но самопоражающих и самоповреждающих действиях [37].

Самопоражение распространяется на пренебрежение человеком витальными и социальными потребностями (самозаражение, пренебрежение гигиеной, употребление психоактивных веществ), рискованным поведением (пренебрежение правилами безопасного обращения с техническими устройствами, скоростное вождение автомобиля). Наконец, социальные аспекты самоповреждения ориентированы на изоляцию, понижение своего социального статуса (через избегание общения с окружающими, публичное самообвинение и самокритику) [62].

Разнообразие интраперсональных деструктивных практик объясняется тем, что определяются они множеством факторов: полом, возрастом, социальным окружением человека и др. К примеру, женщины чаще прибегают к самоповреждению как пассивной и изолированной форме саморазрушения – [33], в отличие от мужчин, склонных к активной и сочетанным формам самодеструкции: употребление алкоголя при вождении транспорта и выполнении опасной работы, а также – криминальным историям [35]. Установлено влияние возраста на практики самодеструкции: у подростков и молодежи они усиливаются под влиянием сверстников, а также взрослых людей [30]. Саморазрушение зависит от социального окружения: группа может как ускорять, так и замедлять разрушительное поведение [43]. Отмечено, что самоповреждение, расстройства питания и употребление психоактивных веществ чувствительны к этому фактору [26]. Другая сторона проблемы самодеструкции в том, что что *самопоражающее и самоизменяющее* поведение сочетаются в своих проявлениях. Некоторые самоизменения (татуировки, пирсинг) могут быть индикаторами нарушений пищевого поведения [45], злоупотреблений психоактивными веществами [46] и, в целом, говорить о самоповреждающих наклонностях человека.

Деструктивное самоизменение проявляется в воздействии человека на собственное тело, будучи нацеленным на модификацию или даже уничтожение его свойств. Самоизменяющее поведение ярко проявляется у подростков и молодежи, в меньшей степени – у взрослых [47]. Распространенная форма самоизменения – это воздействие на тело: пол, строение организма, фигуру, изменение формы глаз, носа, зубов, кожи, волос и др. Изменение собственного тела, по мнению Е.Т. Соколовой, Л.Т. Баранской, обусловлено перфекционистскими и нарциссическими побуждениями, стремлением совершенствовать себя, нравиться себе и окружающим [22]. Отмечая, что в послеоперационный пе-

риод трети пациентов свойственно желание продолжать вторжение в свою внешность, авторы выдвигают гипотезу о наличии еще одного побуждения, полагая, что пациент манипулирует телом, чтобы избавиться от чувств тревоги и неуверенности. Аналогичные отношения между эмоциями, образом тела и самоповреждением были показаны J. Muehlenkamp на выборке подростков. Ей установлено, что восприятие собственного тела играет роль медиатора между самоповреждением и отрицательными эмоциями. Переживая негативные чувства, подростки склонны наносить себе порезы, шрамы, уколы в том случае, когда собственное тело воспринимается ими негативно [49].

Суммируя сказанное, подчеркнем, что деструктивное интраперсональное поведение проявляется в самоповреждающих и самоизменяющих действиях человека. Различаясь мотивами возникновения и целями, они разрушительно влияют на физическое и психическое здоровье, затрудняя межличностное и социальное взаимодействие.

Деструктивное интерперсональное поведение. Основная форма воздействия человека на окружающих людей – это общение. Средство общения – речевая деятельность, то есть активный, целенаправленный процесс создания и восприятия высказываний. Дж. Остин отмечает, что высказывание (речевой акт) всегда имеет эффект – понятое сообщение затрагивает мысли и чувства реципиента, отражается в его поступках [18]. Каков же эффект деструктивного речевого воздействия?

Анализ психолингвистических исследований позволяет вычленить два взаимосвязанных следствия: 1) *повышение самоуважения* говорящего и 2) *снижение самоуважения* собеседника. Для этого коммуникация должна затрагивать самооценку реципиента [19]: например, занижать его социальный статус, обесценивать качества и способности [13]. Ключевыми деструктивными речевыми актами выступают оскорбления [42], критика [54], угрозы [38]. Согласимся с мнением Я.А. Волковой о том, что преднамеренные коммуникативные действия, нацеленные на разрушение, характеризуют деструктивное общение, а их результат вызывает переживания у коммуникатора [5].

Вместе с тем деструктивное взаимодействие с партнером сложно отличить от агрессивного, поскольку и агрессивные, и деструктивные действия наносят вред другому человеку, преследуя цель сохранения своего достоинства [24]. С этой позиции, к примеру, *месть* обладает признаками агрессивного, а не деструктивного действия, потому что нацелена на возмещение нанесенного в прошлом ущерба, а ее осуществление сопровождается переживанием чувства удовлетворения. При этом, когда возмездие осуществляется, люди испытывают положительные чувства, в то время как не имеющие возможности отомстить, длительное время находятся во власти негативных переживаний [66].

В деструктивном контексте нацеленность на снижение самоуважения и обесценивание социальных качеств собеседника должны сопровождаться пониманием связи между негативным воздействием на самоотношение партнера и повышением своего самоотношения. Речевой акт угрозы становится деструктивным, когда говорящий обесценивает самомнение собеседника, повышая вместе с тем свое самоуважение. По мнению П. Бурдые, угроза устанавливает неравенство между собеседниками, перераспределяя власть в пользу говорящего [29]. В то же время угроза сопровождается переживаниями тревоги и страха, вызванными у партнера [59] и, как следствие, приводит к негативному изменению самоотношения. Оскорбление, как деструктивный речевой акт, снижает социальный статус слушателя под влиянием коммуникативного давления и вербальной агрессии [13], при этом усиливая самоуважение говорящего. Подчеркнем, что угроза, оскорбление, клевета или иной деструктивный акт могут быть обусловлены низким уровнем социальной интеграции собеседника [34], стремлением сохранить или восстановить положительную самооценку из-за перенесенного ранее воздействия [27].

Суммируя сказанное, отметим, что деструктивное интраперсональное поведение осуществляется в ходе общения и реализуется в манипуляции уровнем самоуважения собеседников. Деструктивный эффект достигается в том случае, если в ходе взаимодействия говорящий повысил свою самооценку и при этом самовосприятие собеседника, его самооценка и самоуважение претерпели негативные изменения.

Деструктивное метаперсональное поведение. Анализ этой области отношений основывается на идее социального конструктивизма [39] и социального интеракционизма [60], в свете которых современное общество предстает как высокодифференцированная социальная структура, образованная социальными общностями различных масштабов: от малых групп до социальных институтов. Человек выступает как их часть, в некоторых из них – со своей социальной ролью. Конвенциональный характер его роли состоит в том, что каждая социальная общность вырабатывает определенные пра-

вила ролевого поведения, устанавливая санкции за их нарушение. В зависимости от меры вовлечения в социальные структуры человек выполняет несколько социальных ролей, большинство из них реализуя с переменной эффективностью. Неудачи вызваны противоречивостью ролей, влиянием социального окружения либо нежеланием человека их выполнять. В любом случае и следование социальной роли, и отказ от нее сильно и стабильно влияет на Я-концепцию и на самоуважение человека [44]. С реализацией социальных ролей связано метаперсональное деструктивное поведение людей. Обобщение публикаций позволяет выделить две разновидности деструктивного поведения, сфокусированные на отношениях человека и назначенной ему социальной роли: 1) отрицание, отказ от социальной роли, 2) сверхпринятие, слияние со своей социальной ролью.

Отказ от социальной роли выражается в антисоциальных [56], дисфункциональных [40] и контрпродуктивных [41] действиях человека в отношении социальной структуры. Центральным моментом разрушительной активности – это нежелание его выполнять социальную роль: трудовую [16], учебную [31], служебную [11], отбывание наказания [20] и пр.

В контексте каждой из ролей обнаруживаются специфические особенности деструктивного поведения. К примеру, деструктивное поведение обучающегося нацелено на срыв образовательного процесса, сочетается с несоблюдением правил школьного распорядка и разрушением имущества школы с физическим и психологическим воздействием на учителей и других обучающихся [32]. Причины таких действий – в нежелании подчиняться правилам и нормам учебного заведения [48], в стремлении изменить свой социальный статус в неформальной группе сверстников [61], а также – мнение о себе в глазах учителей и ровесников [51].

Разрушительное поведение осужденных преследует цель изменить отношение со стороны администрации исправительного учреждения и режим отбывания наказания [17]. Для этого группы осужденных устраивают межгрупповые конфликты, массовые беспорядки, отказы от приема пищи, неповиновение администрации. Действуя индивидуально осужденные наносят повреждения сами себе [19], шантажируя сотрудников исправительных учреждений угрозой самоубийства [9]. Криминологические исследования показывают, что неприятие социальной роли обнаруживает связь с совершением жестоких преступлений [21]. Зарубежный криминальный психолог S. Yochelson подчеркивает, что противоправное поведение зарождается из-за безответственного отношения людей к институтам общества и государства [64].

Итак, отказ человека выполнять социальную роль становится импульсом для широкого круга разрушительных форм поведения, цель которых – причинение вреда социальной структуре.

Слияние с социальной ролью отражается в социально предпочтительном поведении человека. В метаперсональном контексте слияние с социальной ролью рассматривается нами в смежных к последствиям деиндивидуализации явлениях, но не сводится к ним. Наше представление о таком слиянии близко к модели социальной идентичности, разработанной D. Boduszek и P. Nyland [28]. Участник, стремящийся получить признание в группе, придает этому настолько высокое значение, что готов к действиям даже в отсутствие непосредственного контакта с членами группы, применяет модели внутригруппового поведения в адрес других людей. Разрушительным следствием этого становится стремление не просто выполнять социальную роль, но и защищать интересы социальной структуры во внутри- и внешнегрупповом контекстах. Внутри группы некомпетентность, безответственность отдельных участников вызывает негативное отношение к ним со стороны лиц, сливающихся со своей социальной ролью. Воздействие на них приобретает черты моббинга [23], буллинга [4].

Во внешнегрупповом плане разрушительное поведение нацелено на другие социальные группы и разряжается чувствами ненависти и вражды к их представителям [1]. Причем, когда участники группы получают угрозы извне, защитно-агрессивное поведение возрастает прямо пропорционально степени их идентификации с группой [50]. Более радикальную концепцию деструктивных действий участников группы предложила S. Reichel с соавторами, показав, что в ходе конструирования членами группы своей социальной идентичности и идентичности других социальных групп возникает аутигрупповая ненависть, источником которой становится радикальное сплочение участников группы по мотивам противостояния окружающего их социального мира [55].

Важным следствием слияния с социальной ролью становится сверхнормативное поведение лидеров групп и институционализированных лидеров – руководителей, начальников [58], что разрушает деловые и (или) межличностные отношения, приводя к снижению эффективности деятельности группы [3]. Ведущими чертами отношения лидеров-дезорганизаторов к подчиненным становятся аг-

рессивность, доминантность, подозрительность. Так, характеризуя качества личности деструктивных политических лидеров, исследователи выделяют в их поведении намеренную эксплуатацию образа врага и идеологию ненависти, применительно к конкурентам и оппозиции [52].

Итак, деструктивное метаперсональное поведение осуществляется в контексте социальных отношений и вызвано последствиями принятия или отрицания человеком своей роли в социальной структуре.

Заключение. Изучение деструктивного поведения активизировалось в последние годы в отечественной и зарубежной психологической науке. Поэтому актуальны проблема интеграции уже накопленного знания о деструктивном поведении, формирование целостной концепции деструктивности и дифференциация разрушительного поведения от смежных и ассоциированных понятий.

В данной статье проявления деструктивного поведения анализируются в трех контекстах социальных отношений: интраперсональном, интерперсональном и метаперсональном. Интерперсональное деструктивное поведение описано через воздействие человека на окружающих его людей. В этом значении оно отличимо от интраперсонального поведения, иллюстрирующего воздействие человека на собственное тело, и от метаперсонального, раскрывающего деструктивное поведение человека как носителя социальной роли в системе общественных отношений.

Дальнейшее описание форм деструктивного социального поведения представляется перспективным, позволяющим уточнить практики разрушительного воздействия человека на себя и общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Ю.А., Веснина Л.Е., Ворошилова М.Б. и др. Экстремистский текст и деструктивная личность. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2014. С. 213-252.
2. Арефьева Н.С., Ключева Н.В. Проявление доверия и манипуляций в управлении // Психология и психотехника. 2014. № 2. С. 131-138.
3. Беспалов Д.В. Влияние организованности группы на лидерство и его эффективность в напряженных ситуациях совместной деятельности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. Курск, 2005. 159 с.
4. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 3 (июль-сентябрь). С. 149-159.
5. Волкова, Я.А. Деструктивное общение: к определению понятия // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 205-219.
6. Горшенина Н.В. Современные психологические концепции исследования зависти // Universum: Психология и образование: электрон. научн. журн. 2014. № 4(5). URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/1217> (дата обращения: 12.08.2016)
7. Дорфман Л.Я., Злоказов К.В. Поражение и деструкция и их исследование в зарубежной психологии. Сообщение 1 // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. Психология. 2016. Т. 9, № 1. С. 5-16.
8. Жигалин С.С. К вопросу о соотношении родительских позиций и воспитательного потенциала семьи // Психологическое сопровождение личности в педагогическом процессе. Сб. науч. тр. Ч. 2. Курган, 2002. С. 9-12.
9. Землин Д.Н. Психология демонстративно-шантажного поведения осужденных // Психопедагогика в правоохранительных органах: науч.-практ. журн. / Омская академия МВД РФ. 2009 № 3. С. 32-35.
10. Злоказов К.В. Контент-анализ текстов деструктивной направленности // Политическая лингвистика. 2015. № 1. С. 244-251.
11. Злоказов К.В. Психологический анализ деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов: монография. Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 2011. 182 с.
12. Кузнецова С.О., Абрамова А.А. Враждебность и психическое здоровье // Психология и право. 2011. № 2. С. 8
13. Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 27 с.
14. Мальцева О.А. Профилактика жестокости и агрессивности в подростковой среде и способы ее преодоления // Тюменский государственный университет. 2009. № 7. С. 51-54.
15. Мошкина Ю.Н. Психология ревности: предикторы и феноменологические паттерны // Гуманизация образования. 2010. N 8. С. 32-38.
16. Нарожная Д.А. Социальная детерминация деструктивного трудового поведения работников в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 48. С. 90-102.
17. Новиков В. В., Палешник О. П. Влияние акцентуаций характера у осужденных на профилактику их деструктивного поведения в период отбывания наказания в исправительном учреждении // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. № 4 (31). С. 68-73.
18. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22-30.

19. Самойлик Н.А. Профилактика деструктивного поведения как условие ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (88). С. 120-122.
20. Санников А.Л., Шеголева О.С. Предпосылки формирования и особенности проявления деструктивного поведения осужденных в учреждениях пенитенциарной системы // Экология человека. 2000. № 4. С. 74-76.
21. Собольников В.В., Юрченко Ю.Б. Разбой как деструктивный феномен: социально-психологический анализ: научное издание // Мир науки, культ., образ. 2013. N 5. С. 218-220.
22. Соколова Е.Т., Баранская Л.Т. Клинико-психологические основания эффективности эстетической хирургии // Социальная и клиническая психиатрия. 2007. № 3. С. 26-37.
23. Шелехова Л.В., Нагоев А.В., Блягоз З.У., Тешев В.А., Глебова К.А. Моббинг как вид деструктивного поведения в образовательных организациях высшего образования // Интернет-журнал «Мир науки». 2016. Т. 4, № 3 URL: <http://mir-nauki.com/PDF/35PDMN316.pdf> (дата доступа: 04.08.2016).
24. Шестакова Е.Г., Дорфман Л.Я. Агрессивное поведение и агрессивность личности // Образование и наука. 2009. № 7. С. 51-66.
25. Appel J., Kim-Appel D. The Multipath Approach to Personality: Towards a Unified Model of Self-Psychology. 2010. № 1. P. 273-281.
26. Bartlett R., Holditch-Davis D., Belyea M. Problem behaviors in adolescents. *PediatrNurs.* 2007. N 33(1). P. 13-18.
27. Baumeister R.F., Smart L., Boden J.M. Relation of threatened egotism to violence and aggression: The dark side of high self-esteem // *Psychological Review.* 1996. N 103. P. 5-33.
28. Boduszek D., Hyland P. The theoretical model of criminal social identity: psycho-social perspective // *International Journal of Criminology and Sociological Theory.* 2011. № 4 (1). P. 604-615.
29. Bourdieu P. Language and symbolic power. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1991. 218 p.
30. Brookmeyer K.A., Fanti K.A., Henrich C.C. Schools, parents, and youth violence: A multilevel, ecological analysis. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology.* 2006. № 35 (4). P. 504-514.
31. Cameron R.J Promoting Classroom behaviour which aids effective learning and teaching // *School Psychology Review.* 1998. N 27 (1). P. 33-44.
32. Cameron R.J School discipline in the United Kingdom: promoting classroom behaviour which encourages effective teaching and learning // *School Psychology Review.* 1998. N 27. P. 33-44.
33. Clifton A.K., Lee D.E. Self-destructive consequences of sex-role socialization // *Suicide.* 1976. N 6(1). P. 11-22.
34. Donnellan M.B., Trzesniewski K.H., Robins R.W., Moffitt T.E., Caspi A. Low self-esteem is related to aggression, antisocial behavior, and delinquency // *Psychological Science.* 2005. № 16(4). P. 328-335.
35. Eckhardt M.J., Hardford T.C., Kaelber C.T., Parker E.S., Rosenthal L.S., Ryback R.S. Health hazards associated with alcohol consumption // *JAMA.* 1981. N 246. P. 648-666.
36. Einarsen S., Aasland M.S., Skogstad A. Destructive leadership behaviour: a definition and conceptual model. *The Leadership Quarterly.* 2007. № 18(3). P. 207-216.
37. Feldman M.D. The challenge of self-mutilation: A review // *Comprehensive Psychiatry.* 1988. N 29. P. 252-269.
38. Fraser B. Threatening revisited. *Forensic Linguistics.* 1998. № 5 (2). P. 159-173.
39. Gergen K.J. The social constructionist movement in modern psychology // *American Psychologist.* 1985. N 40. P. 266-275.
40. Griffin R.W., O'Leary A.M., Collins J. Dysfunctional work behaviors in organizations // *Trends in Organizational Behaviors.* 1998. N 4. P. 65-82.
41. Gruys M.L., Sackett P.R. Investigating the dimensionality of counterproductive work behavior // *International Journal of Selection and Assessment.* 2003. N 1(11). P. 30-42.
42. Hamilton M.A. Verbal aggression: Understanding the psychological antecedents and social consequences // *Journal of Language and Social Psychology.* 2012. N 31. P. 1-8.
43. Haworth-Hoeppner, S. The critical shapes of body image: The role of culture and family in the production of eating disorders // *Journal of Marriage and the Family.* 2000. N 62 (1). P. 212-227.
44. Hoelter J.W. The Effects of Role Evaluation and Commitment on Identity Salience // *Social Psychology Quarterly.* 1983. N 46. P. 140-147.
45. Iannaccone M., Cella S., Manzi S.A., Visconti L., Manzi F., Cotrufo P. My Body and Me: Self-Injurious Behaviors and Body Modifications in Eating Disorders – Preliminary Results // *Eating Disorders.* 2013. N 21. P. 130-139.
46. Laumann A.E, Derick A.J. Tattoos and body piercings in the United States: a national data set // *Dermatology.* 2006. N 55. P. 413-421.
47. Lewis S.P., Heath N.L. Nonsuicidal Self-injury among youth // *Pediatrics.* 2015. N 166(3). P. 526-530.
48. MacBeath J., Galton M., Steward S., Page C. A life in secondary teaching: Finding time for learning. London: National Union of Teachers // Cambridge University Press. 2004. 312 p.
49. Muehlenkamp J.J., Brausch A.M. Body image as a mediator of non-suicidal self-injury in adolescents // *Journal of Adolescence.* 2012 N 35(1). P. 1-9.
50. Nesdale D., Milliner E., Duffy A., Griffiths J.A. Group membership, group norms, empathy, and young children's intentions to aggress // *Aggressive Behavior.* 2009. N 35. P. 244-258.
51. Newman K.S. Rampage: the social roots of school shootings. NewYork: BasicBooks, 2004. 431 p.

52. Padilla A., Hogan R., Kaiser R. The toxic triangle: Destructive leaders, susceptible followers, and conducive environments // *The Leadership Quarterly*. 2007. N 11. P. 176-194.
53. Pardini D.A., Obradović J., Loeber R. Interpersonal callousness, hyperactivity/impulsivity, inattention, and conduct problems as precursors to delinquency persistence in boys: a comparison of three grade-based cohorts // *Clinical Child Adolescence*. 2006. N 35. P. 46-59.
54. Raver J.L., Jensen J., Lee J.H. and O'Reilly J. Destructive Criticism Revisited: Appraisals, Task Outcomes, and the Moderating Role of Competitiveness // *Applied Psychology: An International Review* 2012. № 61(2). P. 177-203.
55. Reicher S.D., Haslam S.A., Rath R. Making a virtue of evil: A five-step social identity model of the development of collective hate // *Social and Personality Psychology Compass*. 2008. № 2. P. 1313-1344.
56. Robinson S.L., O'Leary-Kelly A. Monkey see, monkey do: The influence of work groups on the antisocial behavior of employees // *Academy of Management Journal*. 1998. № 41. P. 658-672.
57. Salmivalli C. Feeling good about oneself, being bad to others? Remarks on self-esteem, hostility, and aggressive behavior // *Aggression and Violent Behavior*. 2001. N 6(4). P. 375-393.
58. Schyns B., Schilling J. How bad are the effects of bad leaders? A meta-analysis of destructive leadership and its outcomes // *The Leadership Quarterly* 2013. № 24. P. 138-158.
59. Storey K. The language of threats // *Forensic Linguistics*. 1995. N 2(1). P. 74-80.
60. Stryker S., Serpe R.T. Commitment, Identity Salience, and Role Behavior // *Personality, Roles, and Social Behavior*. New York: Springer-Verl. 1982. N 12. P. 199-218.
61. Thoits P. On Merging Identity Theory and Stress Research // *Social Psychology Quarterly*. 1991. N 54. P. 101-112.
62. Twenge J.M., Catanese K.R., Baumeister R.F. Social exclusion causes self-defeating behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. N 83. P. 606-615.
63. Winchel R.M., Stanley M. Self-injurious behavior: A review of the behavior and biology of self-mutilation. *American Journal of Psychiatry*. 1991. N 148 P. 306-317.
64. Yochelson S., Samenow S.E. *The Criminal Personality, Volume I: A Profile for Change*. New York: Jason Aronson, 1976. P. 251-253. URL: http://books.google.ru/books?id=ZfO9TN_RIH8C&pg=PA251&hl=ru&source=gbstoc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 16.08.2016).
65. Yoshimura S. Goals and emotional outcomes of revenge activities in interpersonal relationships // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2007. N 24 (1). P. 87-98.
66. Zdaniuk A.R. Vertical individualism and injustice: The self-restorative function of revenge // *European Journal Of Social Psychology*. 2012. N 42 (5). P. 640-651.

Поступила в редакцию: 07.09.16

K.V. Zlokazov

DESTRUCTIVE BEHAVIOR IN VARIOUS CONTEXTS OF REPRESENTATION

This article discusses some contexts of destructive behavior. It is noted that the destructive patterns of social behavior are not always associated with violence and are not related to aggression. Addressing the destructive phenomena allows an accurate representation of behavior patterns that cannot be reduced to aggression or violence, but lead to destruction. To represent different quality forms of destructive behavior, one distinguishes conditionally between intrapersonal, interpersonal and metapersonal contexts. The intrapersonal aspect considers destructive forms of an individual's attitude to his/her own body at the angle of self-harm and self-change. The intrapersonal aspect describes the speech destructive impact of an individual on others. It is noted that the devastating impact of the speech is aimed at reducing self-esteem and self-respect of the interlocutor in conjunction with an increase in their level of the speaker. The metapersonal aspect of destructive behavior is due to the failure to fulfill the social role or its acceptance. The devastating consequences of each of the phenomena are shown.

The presented generalization of practices of destructive behavior has shown the need for further research in this area.

Keywords: destructive behavior, suicide, self-harm, aggressive behavior, criticism, threats, insults, sabotage, hatred.

Злоказов Кирилл Витальевич,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии
ФГБОУ ВПО «Уральский государственный
педагогический университет»
620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: zkirvit@yandex.ru

Zlokazov K.V.,
Candidate of Psychology, Associate Professor
at Department of psychology
Ural State Pedagogical University
Kosmonavtov st., 26, Ekaterinburg, Russia, 620017
E-mail: zkirvit@yandex.ru